

Голосенко И. А. Козловский В. В. История русской социологии XIX-XX вв.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ: Л. И. МЕЧНИКОВ

Возникнув в начале 70-х годов субъективно-социологические концепции общества становятся ведущими в России, подвергая натуралистически ориентированные позитивистские направления сокрушительной критике. Это позднее признавали все иностранные и отечественные наблюдатели этого процесса. Но натуралистические направления отказались только от явных крайностей, прежде всего в виде органицизма (социал-дарвинизм вообще не имел поклонников в стране) и продолжали искать новые естественно-объективные силы или, как их тогда называли, факторы развития общества, которое понималось как особая часть природы, подчиненная ее всеобщим законам. Именно эта часть отечественных социологов предприняла обоснование решающей роли антропологического, демографического и географического факторов. Идеи географического детерминизма возникли в России в качестве объясняющей доктрины в ответ на органицистские и субъективно-социологические концепции общества. Общий замысел дать картину истории в ее объективных характеристиках был реализован в нескольких направлениях. Вообще о роли географической среды (климата, природных богатств, наличия гор, лесов, рек и длины береговой морской или океанической линии и т.п.) писали давно.

Этой теме отдали дань, начиная с Конта, почти все крупнейшие социологи, в том числе популярный в России в 70-е годы Г. Бокль. Вклад отечественных социологов в развитие социологии был весьма полезным для развития русской социологии вообще [1]. Во-первых, он проливал дополнительный свет на еще недостаточно осмысленные или оставленные без должного внимания явления. Во-вторых, невольно преувеличивая роль излюбленного фактора, он давал возможность последующей критике установить его предельные и полезные границы. Именно таким он попадал в поле зрения весьма далеких от географической социологии исследователей - В. Ключевского, М. Ковалевского, С. Южакова и других, которые признавали значение географического фактора наряду с другими. Иногда даже сами представители географического направления осознавали это обстоятельство и пытались комбинировать факторы друг с другом хотя бы во временной детерминации. Наиболее показателен в этом отношении блестящий представитель данного направления Л. И. Мечников.

Лев Ильич Мечников (1838-1888)

Социолог Л. И. Мечников известен в настоящее время меньше, чем его младший брат физиолог Илья Мечников, создавший теорию фагоцитоза, хотя заслуживает внимания потомков не в меньшей степени. Родом он из семьи харьковского помещика Спадаренко, румына по происхождению [21. Из-за постоянных болезней (Л. Мечников страдал большим физическим недостатком: правая нога была значительно короче левой и он сильно хромал, что, однако, не мешало ему позднее хорошо ездить верхом) родители были вынуждены переехать с ним из Петербурга, где он родился, в Харьков, 16-ти лет Л. Мечников поступил на медицинский факультет Харьковского университета. Обладая

независимым и пылким характером, он быстро впитал свободолюбивые идеалы, кодекс неукоснительного следования принципу чести и личного достоинства. Про юного Мечникова рассказывали, что однажды гимназистом он сражался на дуэли со своим товарищем из-за молодой девушки. Пятнадцати лет он предпринял неудачную попытку захватить престол в Румынии, так как по семейному преданию якобы имел на это право. Горячность натуры стала препятствием для учебы в университете, откуда ему было предложено уйти уже через полгода после поступления.

Затем последовала учеба в Петербурге, где Мечников слушал одновременно лекции в Военно-медицинской Академии, на физико-математическом факультете Университета, в Академии художеств и, кроме того, изучал восточные языки. Согласно имеющимся биографическим сведениям, Мечников отличался блестящими успехами на поприще науки и своенравным поведением, поскольку не терпел никаких стеснений. Ему удалось почти за два года выучить все важнейшие европейские и восточные языки. Интерес к языкам не пропадал у него на протяжении всей жизни - в зрелом возрасте он знал десять европейских языков.

По всей видимости, утомительные академические занятия были ему не по душе и, получив приглашение поехать в качестве переводчика при дипломатической комиссии Мансурова к Святым Местам в Иерусалим, он бросил учебу. Побывав в Константинополе, Афинах, он поселился затем в Палестине, где ему пришлось работать торговым агентом каботажного общества в районе восточной части Средиземного и по побережью Черного морей. Быстро бросив надоевшую службу, Мечников отправился, практически без денег, в Венецию, попал под подозрение австрийской полиции, чуть не арестовавшей его. В результате - он волонтер одного из отрядов знаменитого Гарибальди. После тяжелейшего ранения, благодаря попечению друзей и прежде всего Александра Дюма (сына). Мечников выздоровел. С этого момента его поприщем стало активное участие в политическом и социальном движении в Италии, Швейцарии, Испании, Франции. Там он пытался осуществить свой идеал свободы, который явно укрепился не без влияния русских эмигрантов А. И. Герцена, М. А. Бакунина, Ю. Г. Жуковского и других.

Мечников, несмотря на интенсивную литературную работу, постоянно нуждался в средствах, так как непомерные, иногда неоправданные расходы на семью, себя и друзей ложились на его плечи. Надежной и спокойной работы не было. В начале 70-х годов министерство народного просвещения Японии предлагает ему читать лекции в открывавшемся тогда университете. Изучив в течение 1873 г. японский язык в начале 1874 г. он едет в Японию, но долго не может там работать по состоянию здоровья. Однако и там энергично трудится, собирает материал для книги о японской империи и культуре. Наконец, в 1883 г. Невшательская академия наук предоставила ему кафедру сравнительной географии и статистики в Лозаннском университете, которую Мечников и занимал до дня своей смерти.

В течение всех лет эмигрантской жизни Мечников активно пишет и публикует под разными псевдонимами множество статей, заметок по совершенно разнообразным научным, политическим, литературным вопросам. Начав с корреспонденций и беллетристики, он становится известным литератором, журналистом, пропагандистом научных знаний. Его перу принадлежат повести и рассказы, опубликованные в "Современнике", "Русском слове". Его статьи выходили в русских журналах: "Библиотека для чтения", "Русский Вестник", "Дело", "Слово", "Русское богатство". Хотя литературное

и научное наследие Мечникова чрезвычайно велико, из крупных работ можно назвать две наиболее значительные: "La civilisation et les grands fleuves historiques" ("Цивилизация и великие исторические реки") и "Японская империя". Из работ по социологии можно назвать: "До-азбучная цивилизация" (1877 г.); "Вопросы общественности и нравственности" (1879 г.); "Социологические очерки" (1880 г.); "Школа борьбы в социологии" (1884 г.); "Географическая теория развития исторических народов" (1889 г.) [3].

Одну из наиболее высоких оценок главной работы Мечникова дал Г. В. Плеханов: "Посмертное сочинение Л. И. Мечникова без всякого сомнения принадлежит к числу (произведений) той школы, которая занимается делом, а не субъективным методом. Французская литература далеко не бедна серьезными сочинениями по истории и географии, а между тем и в ней книга нашего покойного соотечественника является важным приобретением. В русской литературе она заняла бы, разумеется, еще более выдающееся место, бесконечно превосходя по своей содержательности все произведения наших "субъективных" мыслителей. Русской читающей публике, так часто сбиваемой с толку субъективной социологической школой, в особенности было бы полезно познакомиться с этим интересным сочинением. Но, кажется, оно запрещено в России. Мы думаем так потому, что те экземпляры его, которые Элизе Реклю послал в редакции русских журналов, все без исключения были возвращены отправителю. Экземпляр же, посланный в Комитет цензуры иностранной, возвратился, весь испещренный отметками, указывающими на вредный характер содержания книги. Нам очень жаль, что наши соотечественники лишены возможности ознакомиться с новым произведением Л. И. Мечникова" [4]. Думается, что столь высокая оценка Мечникова произносилась в момент острой полемики с идеологией народников. Лишь спустя десять лет после впервые вышедшего в 1889 г. французского издания российский читатель смог ознакомиться с произведением Мечникова (вышло даже два издания в Петербурге и Киеве).

Преждевременная смерть неутомимого русского исследователя, географа, антрополога, социолога и журналиста не вызвала в России сколько-нибудь серьезного отклика в отличие от Европы, где Лев Мечников был широко известен и популярен, о чем свидетельствовали некрологи в ряде европейских журналов.

Социологическое наследие Льва Мечникова интересно для нас тем, что он отстаивал идею о влиянии географической среды на развитие общества, культуры и личности, хотя и постоянно предупреждал о своем неприятии географического фатализма. Принцип географического детерминизма самоочевиден и допускается многими мыслителями в качестве одного из значимых факторов общественной эволюции. Однако его обоснование представляет ряд трудностей методологического характера, так как всегда существует опасность механического перенесения свойств среды на облик ее обитателей. Поэтому Мечников достаточно осторожно говорит, что он стремится исследовать, "можно ли создать какое бы то ни было обобщение культурно-исторических значений географической среды во всем их разнообразии... Другими словами, я желал бы поработать над открытием формулы, охватывающей в общих чертах, те скрытые отношения, которые сближают и, так сказать, связывают каждую фазу социальной эволюции, каждый период истории человечества с определенным состоянием географической среды" [5. С. 81]. Такую формулу мыслитель находит в единстве водного фактора в виде больших водных

бассейнов (великих рек, больших акваторий) и прогресса того или иного общества. Но прежде Мечников выявляет имманентные свойства общественности, как он называет эволюционирующее общество, т.е. формулирует свою концепцию социологии. Социологическая концепция Мечникова вполне может быть вписана в многомерную типологизацию дореволюционной российской социологии. Разнообразные направления и традиции отечественной социологии, их парадигматика и методы могут быть точнее раскрыты на базе нескольких существенных признаков, характерных для всей палитры социальной мысли в России. По нашему мнению, таким основным критерием наряду с выделением теоретико-методологического принципа служат фундаментальные ценностные установки русских социологов и социальных мыслителей. Ядро базисных признаков данного критерия составляют: во-первых, образ (модель) общества в доктрине социолога, в которой выделены доминанта и иерархия общественного устройства; во-вторых, нацеленность на сохранение или изменение социального порядка и на определенный способ преобразования общества; в-третьих, статус личности и социальных институтов в социологической концепции. Иначе говоря, социологическое видение возникает там и тогда, где и когда личность и общество с его институтами, точнее, их модели, соотносятся в качестве самостоятельных, альтернативных ценностей. Вместе с тем парадигма социологического мышления определяется в первую очередь системой ценностей, служащих, по концепции социолога, фундаментом общества или способных быть его основами. Тот или иной набор социальных ценностей, в широком смысле слова, является источником восприятия реального общественного устройства в тогдашней России, соответственно оценки и отношения к его сохранению или переустройству. Пристрастия Мечникова принципу свободы и нарастающей в истории солидарности выражены им вполне однозначно в статьях и главной книге "Цивилизация и великие исторические реки". Характерен интерес к социологии, значение которой он даже переоценивал, и отношение к различным социологическим течениям его эпохи: "Потребность в руководящей и строго научной теории общественности в настоящее время уже так велика и так повсеместна, что мы решительно не можем считать ее исключительным достоянием одного какого-нибудь философского лагеря, огюст-контковского или спенсеровского, позитивистского, материалистического или всякого другого" [6]. Занимаемая Мечниковым критическая позиция в области социальных наук базируется вместе с тем на понимании социологии как "высшей науки, которая должна проверять, дисциплинировать преобразовательные стремления каждого из нас и приурочивать их все к одной общей цели", а именно - служению человечеству. Желательное и поучительное для нас уяснение законов, которыми управляется развитие общественности меж людей является, по его мнению, общим всем социологическим направлениям, умственным центром и главной целью. Претензии того или иного лагеря на создание социологии как положительной науки общественности (общества) не состоятельны. Она может быть исключительно делом коллективным. Тем более, что уже давно, согласно Мечникову, в истории социологии имеются три направления: аристотелевское (поздние представители: Макиавелли, Монтескье), платоновское (Кампанелла, Руссо) и систематическое (Вико, Кондорсе, Конт). Даже социологи-систематики, исходящие от наблюдений и фактов, но при этом все же подтасовывающие их под предвзятые понятия, не вправе выдавать свои скороспелые обобщения за непреложные научные законы.

Как и всякий, увлеченный общей идеей позитивизма об опоре на естественнонаучное знание и построении социального знания по его подобию, Мечников подвергает специальному разбору теорию эволюции Дарвина и принцип борьбы за существование. В этом очерке он хочет подвести итоги тому, что дает нам дарвинизм в изучении и понимании явлений общественности. Началу борьбы многие ученые в XIX в. придавали слишком большое значение, находя в нем также закон существования и развития общества. Мечников критически анализирует подобные утверждения, отвергая уподобление общественной жизни биологическому выживанию. Он полагает, что с Дарвином наше знание органической природы делает гигантский шаг вперед, равный тому, который был сделан в области неорганических наук с открытием закона всемирного тяготения: "Влияние дарвинизма на научное и на философское развитие новейшего времени очень обширно и разносторонне. Признание основной мысли его учения заставило нас одновременно изменить более или менее существенно, очень многие из представлений и воззрений, обращавшихся во всеобщем умственном обиходе с давних пор..." [7. С. 30]. Рассуждая о применимости дарвинизма в социологии и о существе дарвинизма, он называет воинственные отношения биологическими, а товарищеские - социологическими. Мечников приводит ряд аргументов в пользу того, что явления социологического порядка не могут быть объяснены биологическим законом борьбы.

Но что же такое общество? Его ответ гласит: "...Область социологическая не совпадает с областью антропологической. Мир общественности не лежит над миром биологическим в форме прямолинейного, явственно разграниченного пласта: оба эти мира, напротив, взаимно входят друг в друга, сцепляются один с другим бесчисленным множеством корней и нитей, доходящих порою до микроскопических разветвлений, но ни в каком случае не сливаются и не отождествляются" [7. С. 38]. Отсюда следуют, по его замечанию, недостатки прежней классификации наук. Более соответствует духу новой науки разделение поля исследуемых явлений на "три области, следующие одна за другой в порядке возрастающей сложности и большей изменчивости своих процессов и форм:

- 1) область - неорганическая, исчерпываемая физическими и химическими процессами, для объяснения которых достаточно Ньютонова закона всемирного тяготения', мир геометрических, неподвижных форм;
- 2) область - биологическая, включающая весь мир желудочных и половых интересов; мир растительных и животных индивидуальностей, состязающихся и изменяющихся в неустанной борьбе за существование;
- 3) область - социологическая - мир коллективностей, мир интересов, выходящих за пределы одиночного биологического существования; мир кооперации, т.е. сочетания не противодействующих, а содействующих достижению одной общей цели, сил, представляемых отдельными биологическими особями, способными под влиянием желудочных и половых интересов вступать между собою в состязание или в открытую биологическую борьбу" [7. С. 39], Дарвиновский закон борьбы не применим к третьей области, поскольку это исключительно специфический закон явлений биологической группы и его применение к области социологии упраздняет последнюю.

В целях опровержения использования принципа борьбы в социальной науке Мечников ищет поддержку у О. Конта, полагая, что именно ему принадлежит заслуга выявления области социологии, которая начинается там, где биологический эгоизм сменяется

альтруизмом, стало быть, где отношения борьбы сменяются отношениями взаимопомощи, дружбы, любви, товарищества. Не хватало одного, конкретно указать, где начинается самый альтруизм, откуда берется он, т.е. какими реалистическими узами социологический мир вяжется со служащим ему подножием миром социологии. К сожалению, эта существенная часть задачи исполнена верховным жрецом французского позитивизма гораздо слабее [7. С. 53]. У Конта поэтому существует разрыв между биологией и социологией, и последняя, несмотря на усилия Конта, подвешена в воздухе. Для русского социолога совершенно очевидно, что социология тесно переплетена с биологией, и, конечно, с теорией эволюции.

Это всего лишь одна сторона участия социологии в современной ему науке. С другой стороны, Мечников прямо связывает социологию с наличной общественной ситуацией. Более того, социология, согласно его убеждению, обосновывает так называемую научную нравственность. Приводимое ниже положение весьма характерно для сторонника позитивизма. "Состояние современной социологии таково, - пишет Мечников, - что от нее еще долго нельзя ждать непогрешимых рецептов для исцеления, в частности, того или другого из разъедающих нас общественных зол. Тем не менее, господство того или другого теоретического воззрения в сфере научной или quasi-научной социологии составляет явление значительной жизненной важности прежде всего потому, что между такими преобладающими воззрениями и основным строем общественной жизни всегда существует тесное, хотя и нелегко уловимое в силу своей разносторонности отношение: во-вторых, потому, что эти теоретические воззрения, господствующие в сфере общественных наук, служат для нас в каждый данный момент единственною основою научной нравственности. Контизм был противодействием экономической теории борьбы и необузданности личных корыстных стремлений" 17. С. 57]. Для Мечникова не существует сомнений в том, что наука может и должна быть использована в качестве идеологии и морали для критики вполне окрепшего и агрессивного западноевропейского капитализма. Сам он исповедует принципы солидарности, свободы, взаимопомощи и альтруизма, которые несмотря на известные человеческой истории борьбу и войны постепенно завоевывают господствующее положение. Объяснение этому дает теория прогресса, без которой прагматическая история, наблюдаемая в отвлечении от теорий прогресса, представляет собою вечную толчею бесчисленных явлений, неспособных подойти под какое-либо одно общее воззрение.

Понять историческое развитие народов оказывается настолько трудно, насколько запутаны основание или критерий, объясняющие сам прогресс человечества. В частности, мнение, подразделяющее всех обитателей на две громадные группы: группу исторических или культурных народов, и группу диких, варварских - слишком поверхностно и невнятно. Доказательства прогресса, по Мечникову, состоят, во-первых, в наличии технических усовершенствований, а, во-вторых, в укреплении социальной связи. "Более несомненное доказательство действительного существования общего прогресса в истории доставляет нам непрерывный ряд видоизменений и укреплений социальной связи между людьми и факт нарастания общечеловеческой солидарности. Это-то свидетельство и заслуживает быть признанным в качестве критерия общественного прогресса в истории" 15. С.4]. Задача создания истории прогресса, отыскания Ариадниной нити, необходимой для руководства нами в запутанном лабиринте исторических явлений, подлежащих исследованию, может быть решена лишь

в рамках более абстрактной науки, а именно философии истории. Но существует ли философия истории? Да существует. Это идея о законе прогресса. "Эта идея гласит о существовании только одного закона - закона прогресса". Этот закон выше всех законов и обобщений, которым древние и современные авторы пытались подчинить историческое движение. Это великий закон прогресса [5. С. 6]. Мечников специально подчеркивает, что на идее прогресса покоится согласие большинства пишущих и работающих в области философии истории. Для большинства - закон прогресса в значительнейший закон жизни.

Проблема прогресса стала одной из ключевых для раннего этапа институционализирующейся социологии. Однако при наличии общего признания прогресса общества каждый имел собственное представление о его существовании. Поэтому Мечников, исподволь подходя к обоснованию своего главного принципа о роли водных бассейнов и великих рек в истории, включается в полемику. Для него не важно решение вопроса: откуда исходит и какими путями проявляется в истории прогресс. Существование заключается в определении того, в чем состоит прогресс и по какому точно фиксированному признаку можно констатировать его участие в истории, не употребляя в дело субъективного произвола, ни предвзятого мнения, столь характерных для различных теорий или школ. По этой причине он критикует Фр. Буилье за субъективизм и предполагает, "что определить долю участия элемента свободы и разума в истории весьма трудно; только с громадными затруднениями можно подвести итоги жизненным улучшениям, осуществленным добровольными и сознательными усилиями человека, сознательными притом настолько, что предусматривались бы все возможные последствия совершаемых поступков" [5. С. 7].

Здесь на помощь Мечникову приходят достижения в естественных науках. Только с наступлением дарвиновской эпохи в естествознании понятие прогресса приобрело точное, независимое от метафизических ухищрений и произвольных толкований, значение. В области точных наук под прогрессом понимают ту дифференциацию явлений природы, которая в каждой последующей фазе эволюции проявляется все интенсивнее. Точно также и социология, для обращения в точную науку обязана ясно и строго открыть и обосновать свой собственный социологический общий закон и показать критерий, при помощи которого в ее области можно было бы познать прогресс столь же безошибочно, как это делает биолог у себя в науке, определяя степень дифференциации.

Наиболее своеобразной чертой социальной жизни Мечников называет кооперацию, или, еще точнее, способность к кооперации. "Если в области биологии существа более или менее индивидуализированные, начиная от клетки и до человека, борются за существование или для достижения каких-либо эгоистических целей, то на социологической почве они, напротив, соединяют свои силы в виду общего блага" [5. С. 8, 10-11]. В то же время нет смысла отождествлять общество с организмом, как это сделано О. Контом и Г. Спенсером. Подобная аналогия - всего лишь фигуральное выражение. Согласно Мечникову, область социологии охватывает все те явления, в которых имеет место кооперативное начало, но последнее имеет возможность проявляться среди отдельных индивидуумов точно так же, как и в обществах. Не может быть резкого разграничения между организмами и обществом, если это начало взято в качестве исходного. Именно с развитием принципа солидарности и кооперативного начала, - разделение и специализация труда, вначале весьма элементарные не

замедляют образоваться между частями. Они и служат укреплению связей между людьми.

Опираясь на эти доводы, Мечников считает степень дифференциации далеко не единственным признаком прогресса. В вопросе об эволюции социальных форм Л. Мечников постулирует следующий ряд: "Словом, усовершенствование и прогрессивное развитие принципа обобществления, дебютирующее механической связью, обусловленной необходимостью, заканчивается осуществлением в общественной связи элемента психической произвольности. В совершающемся прогрессивном движении принцип дифференциации характеризует своим присутствием лишь одну промежуточную ступень. На низшей она еще не появляется, а на высшей теряет для нас всякий интерес, так как здесь нарушается стойкая и постоянная доселе связь с прогрессивным ходом" [5. С. 19]. Он отвергает телеологический или антропоморфический способ объяснения и характеризует социальный прогресс как обратную зависимость от суммы осуществляющегося в общественной жизни принуждения и, наоборот, как прямую зависимость от степени царствующих среди общества свободы и самосознания.

Таким образом, есть три ступени эволюции: низшая, где кооперативное начало скрыто под покровом механической связи, различным образом связывающей отдельные клетки организма: промежуточная, где кооперативное начало проявляется уже резче, все еще не вытекая однако из физиологической необходимости и невозможности для каждой изолированной личности существовать вне общения с другими членами и без их сотрудничества; наконец, высшая ступень, где кооперативное начало, принимая окраску произвольности, развивается наиболее широко. Примером зачаточной формы этой высшей ступени ассоциаций Мечников называет дэмы (брачные, полигамические, полиандрические, или моногамические группы), складывающиеся уже под воздействием такого влечения, которое нельзя назвать ни механическим, ни исключительно физиологическим, а в значительной мере психологическим. Мы видим, что Мечникова едва ли можно причислить к сторонникам строгого географического детерминизма и тем более фатализма. Его вывод о том, что усовершенствование и прогрессивное развитие принципа обобществления, дебютирующее механической связью, обусловленной необходимостью, заканчивается осуществлением в общественной связи элемента психической произвольности, как нельзя лучше говорит о признании им принципа свободной человеческой воли. Утверждение Мечникова о прямом соответствии ступени социального прогресса и степени присущей обществу свободы и самосознания свидетельствует как о его мировоззрении, так и о политических и социологических пристрастиях.

Правда, он использует при этом метафору о том, что природа вначале принуждает людей к общественной жизни, затем смягчает ее формы посредством дифференциации и уж потом уничтожает всякое принуждение и подчинение. Видимо, эта метафора играет не столь фигуральную роль, как подчеркивает сам автор. Следующие суждения как бы разворачивают эту метафору. "Несомненно, что среда и способность приспособляться к ней даны человеку для того, чтобы он мог бесконечно и наилучшим для себя образом развиваться: несомненно с другой стороны, и то, что свобода не есть нечто химеричное, потому что значительное число народов, в интеллектуальном отношении весьма скромно одаренных природой, все-таки пользуются ею и притом в таких размерах, что большинству культурных народов приходится им только завидовать [5. С. 21]. Противоположность свободы сосредоточена в ненавистном Мечникову

деспотизме, критике которого он посвящает немало страниц. "Мы видели выше, что в органической природе, т.е. в области биологических явлений, степень свободы обобществленных единиц может служить мерилем прогресса. Предполагая, что история как наука преследует задачу открытия под новыми социологическими наслоениями тех же законов и ступеней органической эволюции, мы получаем возможность констатировать в области конкретных исторических фактов следующие стадии исторической эволюции:

1. Первый низший период, характеризуемый существованием общественных организаций, созданных принуждением и устрашением, почти аналогичных тем рудиментарным колониям клеток, которые соединены внешней механической связью.
2. Второй переходный период подчиненных общественных групп, характеризующихся дифференциацией частей общества и разделением труда, доводимого до все большей и большей степени мелочной специализации.
3. Третий высший период - процветания создавшихся по своему почину общественных организаций, с ясно выраженными индивидуальными склонностями и более или менее сознательных интересов" [5. С. 24].

Прописной истиной является, на его взгляд тезис о том, что истинная цивилизация познается по степени применяемой ею свободы. По крайней мере, такова позиция современной ему науки. Признавая, что степень свободы есть единственная характерная черта цивилизации, Мечников как раз в этом пункте отстаивает другое положение, а именно, что социальная эволюция всюду подчинена органической необходимости [5. С. 26-27]. Следовательно, эта последняя со своей стороны влияет на строй кооперации, внушает отдельным лицам единовременные усилия, направляя при этом их не к личной цели, а к такой, которая интересует общественную группу. Здесь, по нашему мнению, содержится ядро его социологической концепции.

Автор поясняет свое утверждение тем, например, что некоторым народам-счастливым удается осуществить свои цели без особых усилий. Но история не интересуется такими народами, у которых были благоприятные условия. Окружающие природные условия другого порядка, прежде всего являющиеся предметом истории. Эти условия допускают процветание человеческой жизни только как следствие одновременной, разумной и сложной работы разнородных, многочисленных сил, стремящихся к такой широкой цели, всей важности которой даже и не понимает подавляющее большинство работающих. Необходимая здесь степень взаимной солидарности естественно не может получиться сразу из разумного и свободного содействия заинтересованных сил. Мечников специально оговаривает, что он далек от присоединения к теории географического фатализма, которую зачастую упрекают за проповедь принципа всеопределяющего влияния среды в истории.

Существует и обратное воздействие населяющих местность людей на свою среду. Потому историческая ценность той или другой исторической среды, - предполагая даже, что, в физическом отношении, она при всех обстоятельствах неподвижна, может и должна изменяться по степени способностей обитателей к добровольному солидарно-кооперативному труду. Эффективность изменения среды обитания Мечников напрямую связывает со степенью солидарной взаимопомощи, с прочностью социальных уз. Интересно, что деспотизм, по Мечникову, всегда возникает только по неспособности человека сознательно проявить ту сумму кооперативной солидарности, которой требует природа. Деспот, по его словам, под видом ли жреца, воина или

политика всегда являлся в истории только живым символом и олицетворением неспособности и бессилия угнетенных им.

В тех случаях, замечает Мечников, когда история идет своим нормальным ходом, наступает все большее и большее равновесие между средой и свободолюбивыми стремлениями среды: мало помалу наступает возможность прогресса, т.е. тех изменений в общественном самосознании, которые наблюдаются уже в биологической серии явлений, а теперь заменяют угнетение свободой и солидарность по принуждению - добровольной и сознательной солидарностью.

Из наиболее значимых Мечников выделяет следующие влияния окружающей среды на очевидно неравное распределение цивилизации между различными странами Земного шара: астрономические, физические, влияние флоры и фауны, антропологические влияния. Каковы естественные причины неравного распределения благоденствий и тягостей цивилизации? Есть две теории: этнологическая и географическая.

Этнологическая основывается главным образом на законе наследственности (и, соответственно, основана на неравенстве рас), тогда как географическая становится на сторону трансформистской теории (впервые указанной Ламарком и развитой Дарвином), выдвигающей на первое место приспособление к внешней среде и влияние этой среды. Мечников присоединяется к последней.

Им выделяется трехчленная формула географического развития: речной, морской и океанский периоды, - которые характеризуют эволюцию человечества. Наиболее древнейшие четыре великих культуры, с его точки зрения, расцвели и развились в среде великих речных стран. "Гоанго и Янтсе-кианг орошают местность, где родилась и выросла первобытная китайская культура; индийская или ведийская культура не выходила за пределы бассейнов Инда и Ганга; ассиро-вавилонские первобытные культурные общества разрослись по Тигру и Евфрату, этим двум жизненным артериям Месопотамской долины; наконец, древний Египет, как это утверждал уже Геродот, был "даром", созданием Нила" [5. С. 85].

Однако в бассейнах великих речных систем культуры могли быть только первобытными, изолированными. Совсем иной характер приобретали они и становились способными к распространению, к дальнейшему развитию, едва только вступали в среду внутренних морей и охватывали собою различные народы и страны. Наконец, доказывает Мечников, способность культуры к широкому распространению, весьма развитая уже при начале средиземноморского периода, идет, все более и более увеличиваясь, по мере того как история покидает берега внутренних морей с тем, чтобы перенестись в еще более широкую среду, на берега океана [5. С. 97].

Вода является оживляющим элементом не только в природе, но и двигательной силой в истории. "Во всех странах, жизненным синтезом всей совокупности сложных условий климата, почвы, конфигурации земли, геологического строения представляется мне река" [5. С. 115]. И дело не в их длине или массе переносимой ими воды. Наиболее могущественные реки до сих пор не играли исторической роли. Секрет славных судеб рек в том, что "географическая среда этих рек могла быть эксплуатирована лишь коллективным, сурово дисциплинированным трудом бесчисленного населения, состоявшего хотя бы из самых разнородных и различающихся по языку, расе, нравам и наружному виду племен и рас.

Поэтому, например, в египетской долине, как во всем свете. "политический и социальный строй населения естественно и логически вытекает из отношений между

характером кооперативной деятельности, определяемой средой, с одной стороны, и между способностью населения доставить в силу свободного и добровольного сообщничества, а также благодаря высокоразвитой социальной организации, достаточную сумму коллективной работы известного качества, требуемой средой, с другой" Два определяющие начала, указываемые здесь, т.е. среда и способность жителей к приспособлению, являются элементами изменчивыми [5. С. 139). Пример четырех великих древних культур представляется Мечникову достаточным для того, чтобы доказать, что нигде на всем свете не имел места факт культурно-исторического развития вне речной среды, внушающей своим обитателям чувство ясно выраженной и последовательной солидарности. Это не мешает ему признать, что чувство солидарности может быть внушено обществу географической средой и помимо посредничества реки.

В одной из обстоятельных рецензий наш автор следующим образом оценивает книгу Мечникова: "Книга и хуже, и лучше обыкновенных ученых работ. На ней отразилась трагическая судьба автора, горячего, смелого искателя правды, никогда не умевшего соразмерить цели и средства, всегда стремившегося к высшему и недостижимому, растратившего блестящий талант, кипучую энергию на бесстрашную и бесплодную борьбу с исторической судьбой. И в науке он был благородным поклонником утопии, дальноруким и близоруким в одно и то же время, богатым мыслями и мало способным их разрабатывать, намечавшим последние результаты и нетерпеливым в прохождении ступеней. Статьи Мечникова, появлявшиеся в русских журналах, еще в "Современнике", затем, главным образом, в "Деле", отличались поспешностью, хаотичностью и оригинальностью, подлинной, не сочиненной и не деланной... Последняя французская книга есть попытка изложить вкратце целую теорию "динамической социологии" и иллюстрировать ее на одном важном историко-географическом примере. И нет даже надобности особенно внимательно вчитываться в книгу, чтобы заметить, на сколько исторический материал отстает от философского построения, от естественно-научной подготовки и географических наблюдений. Но чем внимательнее читаешь, тем более убеждаешься, что работа действительно крупная и плодотворная, что так или иначе она является интересным опытом исторического синтеза на географической основе" [8]. Эта характеристика живо дополняет портрет Мечникова, данный нами.

Таким образом: в лице Мечникова географическое направление русской социологии предстало одним из влиятельнейших течений в мировой социологии и составило яркую страницу в становлении социологии как науки.